

ТЕАТР, РОЖДЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Заметки режиссера

Еще готовясь к поездке в Монголию и знакомясь со всем, что характеризует жизнь и быт этой страны, изучая истоки ее древней культуры, я обратил внимание, что о монгольском театре написано до обидного мало. Этому, разумеется, есть причины. Если история Монголии уходит в глубь веков, то профессиональный монгольский театр еще очень молод — ему немногим более 25 лет. Он родился вместе с народной революцией 1921 года. В буквальном смысле слова под гром пушек появились первые кружки армейской самодеятельности, из которых через десять лет вырос монгольский театр.

Молодому искусству сцены в стране уделяется большое внимание. Еще в 1927 году было построено, причем весьма искусно, без единого гвоздя юртообразное здание театра, которое простояло двадцать лет. В 1951 году было введено в строй нынешнее здание театра, одно из красивейших архитектурных сооружений Улан-Батора, с превосходно оборудованной сценой и зрительным залом на 800 человек. Здесь выступают драматический, музыкальный и кукольный театры.

За четверть века своей небольшой творческой биографии театр прошел немалый путь. Теперь у него отличные артисты, составляющие ядро коллектива. Целая плеяда монгольских драматургов объединилась вокруг коллектива, что, несомненно, способствовало рождению спектаклей на современную тему. Это писатели Д. Нацагдорж, Б. Бааст, Ц. Цэдэнжаб, Ч. Ойдов, Э. Оун, Ч. Лодойдамба, Л. Ванган, Д. Намдаг. Во главе театра стоит один из его зачинателей, талантливый художник Н. Цэгмид. Монгольские актеры и режиссеры не раз ставили лучшие советские пьесы. Они познакомили зрителей с произведениями Вс. Иванова, Б. Лавренева, Н. Погодина, А. Корнейчука, А. Штейна и многих других драматургов. Зрители Улан-Батора хорошо помнят, какое огромное впечатление на них произвел поставленный в 1951 году режиссером С. Гэндэном спектакль «Семья», в котором впервые на монгольской сцене были воссозданы замечательные образы Владимира Ильича Ленина (артист Цаган-Цэгмид) и Марии Александровны Ульяновой (артистка Ичин-хорло).

Первым спектаклем, который я видел в Монголии, была одна из самых популярных народных опер — «Три печальных холма». Основоположник монгольской литературы Д. Нацагдорж в содружестве с композитором Дамдинсурэном, при творческой помощи советского музыканта Б. Смирнова, создал прелестную оперу, выдержавшую серьезное испытание временем. Впервые поставленная в 1934 году, она прошла более 1500 раз.

Сюжет ее прост. Смелый юноша-охотник Юндэн горячо любит отвечающую ему тем же чистым чувством очаровательную девушку Нансалму. Но влюбленным предстоит серьезная борьба за свое счастье, ибо

жестокий и коварный хан хочет сам жениться на красавице. Юндэн выходит победителем в единоборстве с всемогущим врагом, становится во главе восставших, которые свергают власть ненавистного хана. Все главные события разворачиваются на фоне гор — отсюда и название оперы.

Исполнение Даваадоржем роли Юндэна пленяет гармоническим сочетанием мужественности и проникновенного лиризма. Подстать Даваадоржу и юная артистка Пурвэсүрэн, создавшая глубокий по своему драматизму образ Нансалмы. Обладая отличными вокальными данными, она великолепно исполнила сложнейшую оперную партию.

Итак, уже этот спектакль заставил нас отбросить всякие скидки на профессиональную молодость или неопытность наших монгольских театральных друзей. А потому с новыми, повышенными требованиями подошли мы к оценке «Отелло», поставленного тем же режиссером С. Гэндэном.

На этом спектакле я особенно почувствовал, как чутко и точен в своих оценках монгольский зритель. Я был на 74-м спектакле «Отелло». Театр переполнен. Как выяснилось, многие смотрели «Отелло» не в первый раз, но это нисколько не мешало им реагировать со всей непосредственностью, очень остро.

Остановлюсь на нескольких чудесных деталях спектакля. Гомбосурун прекрасно раскрывает тему доверчивости Отелло. Она в его необыкновенной человеческой чистоте, в пламенной любви к Дездемоне, о которой он говорит горячо и поэтично. Очень сильно проводит артист сцену с Яго, когда тот впервые говорит ему о неверности Дездемоны. Гомбосурун скупно пользуется жестами, и поэтому особенно запоминается его рука, когда он как бы отодвигает от себя все то ужасное, что услышал от Яго, во что же не хочет, — нет, не может поверить. Выразительна сцена, когда, оставшись один со своими думами, Отелло — Гомбосурун наклоняется над глади бассейна и видит свое искаженное болью черное лицо. Отелло впервые понимает, что он черен. Нет, не черен — безобразен! — кажется ему. Так играет эту сцену Гомбосурун.

Успеху спектакля в немалой степени способствуют также Яго — артист Гомбодорж, Дездемона — артистка Долгорсүрэн, Эмилия — артистка Церендулма, Брабанцио — артист Пурвээ.

Правда, есть в спектакле и некоторые досадные просчеты: слишком порой дурашлив и примитивен Родриго — артист Лоовой; увлекается внешним рисунком, позировует Кассио — артист Мижиддорж. Иногда изменяет вкус и режиссеру Гэндэну.

После спектакля мы долго беседо-

вали с постановщиками и исполнителями. Вот мы сидим в гримировальной комнате Гомбосурена. Перед нами очень скромный, даже застенчивый актер с удивительной биографией, впрочем, очень характерной для Монголии. Родился он в семье бедного арата, с детских лет был пастухом. В 1942 году пешком пришел в Улан-Батор, поступил на курсы шоферов, возил в театр дрова. Смотрел из-за кулис, как играют. Попросился на сцену. Попробовали... Приняли... И вот стал актером... Играл много разных ролей. Любимые — Юндэн в опере «Три печальных холма», Дикой в «Грозе». Черногулов в «Персональном деле». И теперь Отелло. Когда работал над этой ролью, много читал об Остужеве. «Посмотрите это письмо, — говорит Гомбосурен, доставая из своего гримировального столика бережно завернутое в целлофан письмо Н. Мордвинова. — Это я написал Мордвинову, попросил у него совета, и он мне прислал обстоятельный ответ», — говорит Гомбосурен и просит передать Мордвинову, что воспользовался его советами. «Как жаль, — говорит он затем, — что я не знаю систему Станиславского».

Конечно, можно понять огорчение монгольского артиста, что ему не удалось изучить систему К. С. Станиславского, но, слушая его, восхищаясь его Отелло, я вспомнил слова Константина Сергеевича: «Послушайте! Все хорошие актеры играют по моей системе».

Из моих театральных впечатлений хотелось бы выделить еще превосходно поставленный И. Хабаевой, Лувсанценом, Гурбазаром и художником Гавой балет «Бахчисарайский фонтан». Удивительно грациозны и пластичны образы Марии (артистка Тоомой), Заремы (артистка Дашдулма), Гирея (артист Булхуу) и другие, созданные участниками этого спектакля. Отлично звучала музыка Б. Асафьева в исполнении оркестра, которым мастерски дирижировал Чулун.

«Бахчисарайский фонтан», как и «Отелло», я смотрел вместе с приехавшими в гости в Монголию французскими деятелями культуры. Полагая, что они делают мне приятное, французские гости, обобщая свои впечатления от драматического и балетного спектаклей, сказали: «Не правда ли, прелестно? Порой прямо забываешь, что ты в Монголии, и кажется, что ты в Париже или в Москве». «Конечно, прелестно», — согласился я.

Но зачем же забывать, что мы в Монголии?! Забывать не надо. Монголия — прекрасная страна. Опираясь на братскую помощь стран социалистического лагеря, она стремительно идет вперед по пути победоносного строительства своей национальной по форме, социалистической по содержанию культуры.

Александр ШАПС,
заслуженный артист Белорусской
ССР, режиссер.